

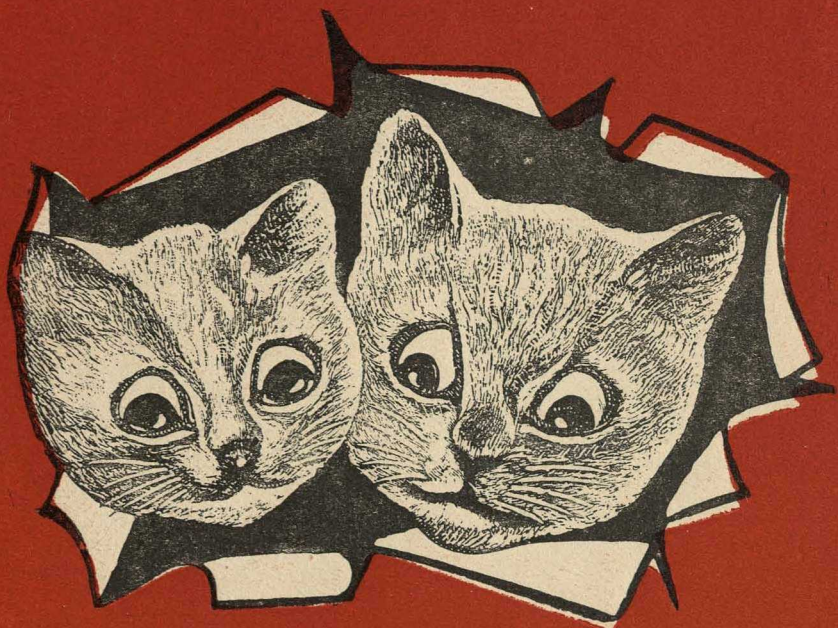
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

АПРѢЛЬ.

№ 11.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

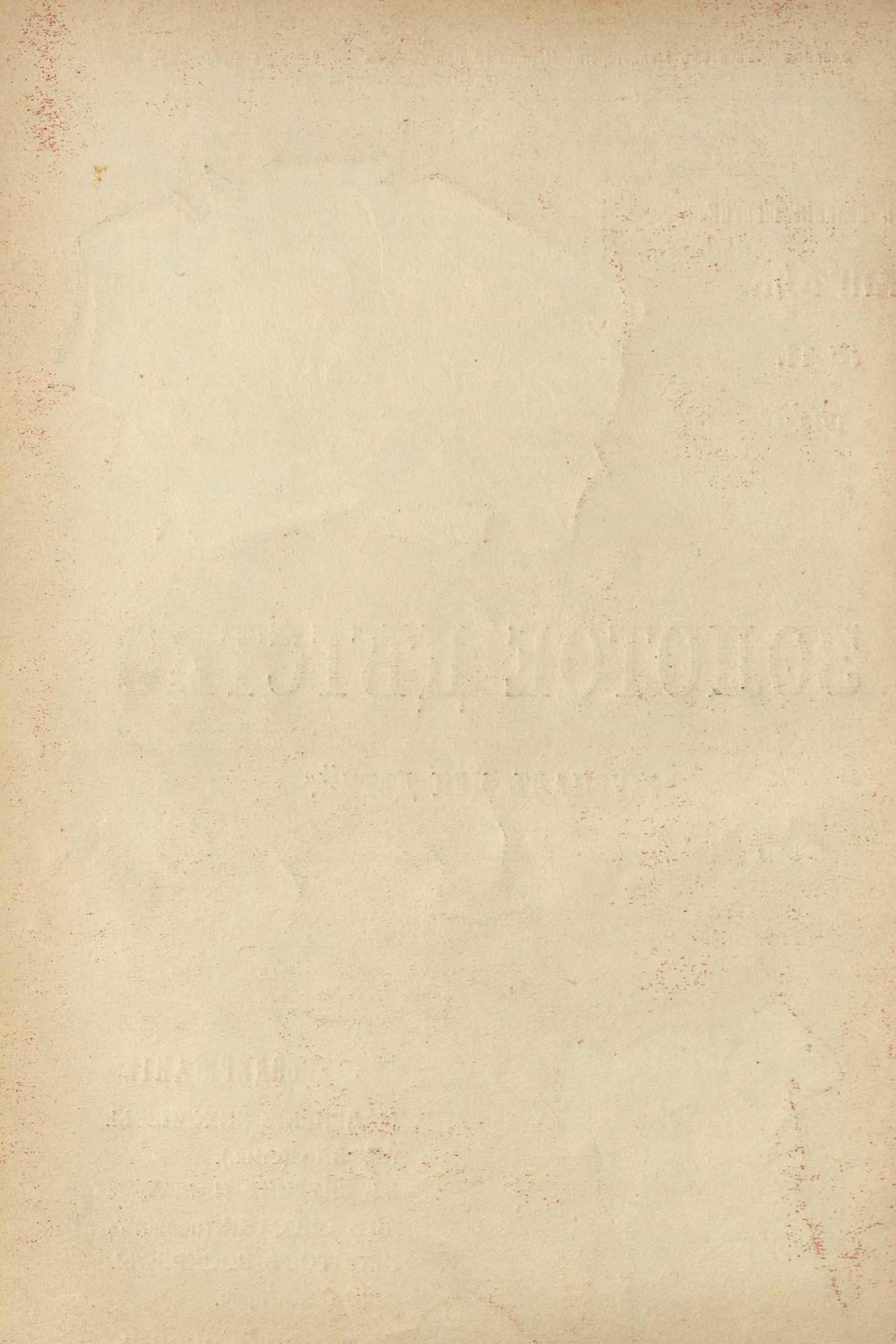
ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МАЛЕНЬКІЕ ИНЖЕНЕРЫ.
АПРѢЛЬ (стих.).
ВЪ ГЛУБИНѢ ПАРКА.
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

МАЛЕНЬКІЕ ИНЖЕНЕРЫ.

РАЗСКАЗЪ БОБРА.

Если-бы вамъ показали всѣ тѣ ближе ознакомилсь съ жизнью работы, которыя исполняетъ въ и трудомъ животныхъ. Вы имѣете настоящее время человѣкъ, то вы въ своемъ распоряженіи и огонь, пришли-бы въ удивленіе и во- и газъ, и электричество, и разные

Б о б р ы.

скликнули-бы: — „Неужели такой маленькой человѣкъ и выполняетъ такія громадныя дѣла?“. Но вы еще болѣе изумились-бы, если-бы

орудія и машины, но мы, животныя, не имѣемъ этого ничего. А между тѣмъ — среди насъ есть рыбы, которыя обладаютъ способ-

ностью наносить сильный электрическій ударъ; среди нашихъ птицъ есть настоящіе портные, которые, точно иглой и ниткой, шьютъ себѣ гнѣзда клювами. Чтобы добыть себѣ пищу, люди, имѣютъ въ своемъ распоряженіи ружье, палку, наконецъ хоть простой камень, который бросаютъ въ живое существо, у насъ-же есть рыбы, которыя, завидѣвъ на вѣткѣ муху, пускаютъ въ нее струю воды, и такъ мѣтко, что муха сваливается съ вѣтки прямо имъ въ ротъ. У другихъ рыбъ на тѣлѣ есть отростки, похожіе на тѣхъ червяковъ, на которые мальчишки обыкновенно ловятъ на удочку ершей. Эти рыбы закапываются цѣликомъ въ тину и выставляютъ наружу одни только эти червеобразные отростки которые извиваются такъ, точно настоящіе червяки. Приведенныя въ обманъ маленькія рыбки, хватаются за этихъ червяковъ и тотчасъ-же попадаютъ къ спрятавшейся рыбѣ на обѣдъ. Вы запасаете себѣ ѣды и питья на будущее время, тоже дѣлаемъ и мы, животныя. Вы, люди, строите себѣ цѣлые города, а посмотрите, какія поселенія устраиваютъ для себя муравьи, или какія постройки возводимъ, напимѣръ, мы, бобры! Вы любите украшать свои квартиры разными занавѣсками и коврами, чтобы было уютно и красиво, а взгляните на колибри! Эти маленькія

птички всегда устраиваютъ у себя особое помѣщеніе, которое украшаютъ хорошенькими раковинками, бѣлыми камешками и яркими перьями отъ другихъ птицъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что можетъ доставить имъ радость и удовольствіе. Но это помѣщеніе вовсе не составляетъ собою ихъ гнѣзда: онѣ устраиваютъ свои гнѣзда въ другихъ мѣстахъ, а сюда собираются только для того, чтобы пощебетать и побыть вмѣстѣ.

Итакъ—начну говорить о себѣ. Я—настоящій камчатскій бобръ. Дороже меня нѣтъ на свѣтѣ звѣрка. Моя шкурка цѣнится дороже соболей, но я — всегда былъ въ цѣнѣ, а соболю шкурки стали дорогими только въ послѣднее время. Моя родина—Камчатка, но мы водимся также во всей сѣверной Америкѣ, въ Шотландіи и въ польскихъ губерніяхъ Россіи. Благодаря дороговизнѣ нашего мѣха, насъ безпощадно истребляютъ люди и число наше уменьшается съ каждымъ днемъ. Съ увеличеніемъ народонаселенія, всѣ мѣста по рѣчкамъ уже заняты пашнями и деревнями, а мы любимъ текущую воду и поневолѣ должны были покинуть насиженныя мѣста и уйти въ самую глубь лѣсовъ.

По внѣшнему виду я похожъ на большую крысу, но я вдвое длиннѣе ея; такого хвоста, какъ

у меня, не имѣеть ни одинъ грызунъ: большой, плоскій, мясистый, онъ вовсе не имѣеть на себѣ щетины, а покрытъ чешуйками, и очень тяжелъ; у взрослого бобра только одинъ онъ вѣситъ свыше четырехъ фунтовъ. Когда бобръ плаваетъ, то дѣйствуетъ имъ, какъ весломъ, а когда сидитъ во время ѣды или работы, то хвостъ служить ему надежной опорой.

Мы всегда живемъ около воды, потому что любимъ ее и любимъ въ ней поплавать. Между пальцами у насъ на лапкахъ—перепонки, какъ у утокъ, такъ что насъ можно отнести къ животнымъ водянымъ. Къ тому-же и часть нашей пищи составляетъ то, что растетъ на днѣ рѣки. Цѣлые часы мы можемъ оставаться подъ водой. Иногда, въ суровыя зимы, когда рѣки замерзаютъ, мы долго отыскиваемъ подъ водой прорубь или хоть какое-нибудь отверстіе во льду, чтобы высунуть наружу ноздри и подышать чистымъ воздухомъ. Этимъ пользуется часто человекъ. Онъ дѣлаетъ въ такія зимы проруби во льду и подстерегаетъ насъ, чтобы убить.

Мы живемъ парочками, но часто составляемъ большія общества. Наше селеніе иногда состоитъ изъ сотенъ домиковъ, которые мы искусно строимъ передними лапами. Передъ тѣмъ, какъ гнѣз-

диться, мы долго плывемъ вверхъ по рѣкѣ, пока наконецъ не попадемъ въ самую глубь лѣса, гдѣ растетъ побольше ивняка, который мы такъ любимъ. Если выбранное мѣсто оказывается для насъ подходящимъ, то мы немедленно принимаемся за устройство жилья.

Все было-бы хорошо, если-бы рѣка не пересыхала лѣтомъ и не поднималась въ половодье отъ таянія снѣговъ и отъ дождей. Тогда мы удовлетворялись-бы простыми норами, вырытыми у самой воды, и жили-бы себѣ, да поживали безъ всякихъ хлопотъ. Но мы отлично знаемъ, что рѣки не всегда бываютъ таковы, какими мы ихъ видимъ. Лѣтомъ, въ жары, многія рѣчки пересыхаютъ настолько, что мы уже не могли-бы въ нихъ свободно плавать и нырять, да и самыя наши норы оказались-бы всѣ на виду и къ намъ непременно залѣзли-бы выдры и обидѣли-бы насъ. Но объ этихъ подъемахъ и паденіяхъ воды мы знаемъ даже лучше, чѣмъ человекъ. Рѣшивъ поселиться на какомъ-нибудь мѣстѣ, мы тотчасъ-же принимаемся за большія инженерныя работы. Мы начинаемъ сооружать поперекъ рѣки плотину. Она должна мѣшать водѣ утекать далѣе во время засухъ, а когда настанутъ дожди или начнетъ таять снѣгъ, то мы дѣлаемъ въ ней отверстія, черезъ которыя лишняя вода утекаетъ далѣе. Та-

кимъ образомъ по ту сторону плотины мы всегда поддерживаемъ воду на одной и той-же высотѣ и входъ въ наши норы незамѣтенъ подъ водою совсѣмъ.

Быть можетъ, вамъ интересно знать, какъ мы строимъ эту плотину? Мы не имѣемъ ни молотковъ, ни пилъ, ни топоровъ и единственный нашъ плотничій инструментъ — это наши острые зубы. Мы подтачиваемъ ими у самаго корня громадныя вѣковыя деревья и они падаютъ прямо въ рѣку. Выбравъ дерево, мы садимся на заднія лапки и хвостъ и, обхвативъ передними лапками стволъ, начинаемъ точить его зубами кругомъ со всѣхъ сторонъ. Наша работа такъ тщательна, что то мѣсто, гдѣ мы точимъ зубами дерево, становится гладкимъ, какъ стекло. Передъ тѣмъ какъ дереву свалиться и упасть въ воду, мы быстро отскакиваемъ въ сторону и ныряемъ на дно, чтобы оно насъ не задавило. Затѣмъ, когда оно уже лежитъ, мы снова принимаемся за работу: мы отгрызаемъ у него вѣтви и вершину, сдираемъ съ него кожу и изъ него получается настоящее плотничье бревно, годное на постройку избы. Это бревно мы разгрызаемъ на части и каждое отдѣльное полѣно скатываемъ къ мѣсту постройки и кладемъ одно на другое. Затѣмъ одни изъ насъ спускаются на дно и начинаютъ копать для нихъ ямки, а другіе въ это время тащатъ камни, грязь и

глину и запикиваютъ ихъ между полѣньями. Глину мы скатываемъ въ шары, которые несемъ къ постройкѣ, обхвативъ передними лапками и подбородкомъ. Мы работаемъ дружно, или, какъ люди говорятъ, „не покладая рукъ“, и скоро видимъ результаты своихъ трудовъ: поперекъ рѣки у насъ появляется настоящая плотина, какую могъ-бы устроить только развѣ одинъ человѣкъ. Затѣмъ мы выкапываемъ съ корнемъ ивовые кусты и сажаемъ ихъ въ глину и тину между бревенъ: это дѣлаетъ плотину болѣе прочной и красивой: когда наступаетъ весна, то вся плотина становится зеленой.

Если рѣчка течетъ медленно, то мы дѣлаемъ плотину прямо съ берега на берегъ по прямой линіи. Если же она быстра и, слѣдовательно, можетъ оказать на плотину больше давленія, то мы дѣлаемъ ее подъ угломъ, острой частью угла прямо противъ теченія. Это заставляетъ рѣку разбиваться на двѣ части, изъ которыхъ одна бѣжитъ къ одному берегу, а другая къ другому, и такимъ образомъ наша плотина испытываетъ меньше напора воды. Съ своей стороны рѣка наноситъ на плотину песокъ, тину и бревна и отъ этого плотина становится съ каждымъ днемъ все прочнѣе и прочнѣе. Если всѣ деревья по близости уже срѣзаны нами и употреблены на постройку

и все таки ихъ не хватило, то мы отправляемся далѣе вглубь и начинаемъ срѣзать деревья уже вдалекѣ и сплавлять ихъ къ нашей плотинѣ. А если и ихъ не хватитъ, то мы начинаемъ рыть отъ рѣки каналы въ разныя стороны лѣса къ другимъ деревьямъ, растущимъ уже не у берега, а въ глубинѣ, срѣзаемъ ихъ и сплавляемъ ихъ по этимъ каналамъ къ постройкѣ. Благодаря этимъ нашимъ работамъ, у насъ появляется огромнѣйшее сооруженіе, которому позавидовалъ-бы человѣкъ. По ту сторону плотины набирается вода, которая закрываетъ на берегахъ входы въ наши норы и въ которой мы плаваемъ и ныряемъ, уже не боясь, что она высохнетъ отъ жаровъ или-же промерзнетъ зимою до дна.

Устроивъ плотину, мы принимаемъ за постройку жилищъ. Каждая парочка обзаводится своимъ собственнымъ домикомъ. Она складывается его гдѣнибудь среди воды или, еще того лучше, на островкѣ, изъ сучьевъ, и камней, которые такъ ловко всегда бываютъ пригнаны у насъ другъ къ другу и такъ хорошо промазаны между собою грязью и глиной, что представляютъ собою крѣпкія сооруженія съ толстыми стѣнами, похожія на большіе, перевернутые вверхъ дномъ колпаки. Когда наступаютъ морозы, то грязь затвердѣваетъ и весь домъ становится

крѣпкимъ, какъ камень. Ни одинъ звѣрь не можетъ его разрушить. Во всемъ домѣ нѣтъ ни хода, ни лазейки, однимъ словомъ ничего такого, что напоминало-бы о жильѣ. Но это мы дѣлаемъ такъ нарочно, чтобы никто не зналъ, какъ къ намъ залѣзть. Изъ cadaго нашего домика всегда ведутъ подъ водою наружу два хода: выходъ изъ одного изъ нихъ находится тотчасъ-же у самаго уровня воды, а изъ другого—гораздо глубже его, почти на днѣ рѣки. Когда рѣка замерзаетъ и первый ходъ становится непроходимымъ, то мы ныряемъ на дно черезъ второй, долго плывемъ подъ льдомъ къ нашей плотинѣ и тамъ запасаемся ивовой корой, которая составляетъ нашу пищу. Этой коры у насъ бываетъ запасено на зиму цѣлое множество. Мы сдираемъ ее осенью съ кустовъ, связываемъ ее въ пучки и самые пучки прячемъ подъ плотиной. Иногда въ суровыя зимы, когда замерзаетъ рѣка сплошь, намъ нечѣмъ бываетъ дышать и мы рады бываемъ, когда находимъ прорубь. Тогда мы высовываемъ изъ воды наши морды и начинаемъ полной грудью вдыхать въ себя свѣжій воздухъ.

Внутри нашъ домикъ всегда чистъ и опрятенъ. Онъ достаточно всегда просторенъ и высокъ—аршинъ отъ пола до потолка и аршина два въ ширину. Стѣны въ немъ такъ толсты, какъ и въ вашихъ каменныхъ городскихъ до-

махъ. Полю устану травой и сухими вѣточками, такъ что въ домикѣ всегда мягко и пахнетъ сѣномъ. На самой срединѣ—мягкая постелька; здѣсь лежатъ маленькія дѣтки, которыхъ у бобровъ всегда двое или трое. Они рождаются слѣпыми, но прозрѣваютъ уже на восьмой день и тотчасъ-же мать ведетъ ихъ за собою въ воду и учитъ ихъ нырять и плавать. Отецъ и мать очень любятъ ихъ и все время не упускаютъ ихъ изъ виду. На матери лежитъ все домашнее хозяйство: Она взбиваетъ постельку для дѣтей, приноситъ имъ ѣду, заботится о чистотѣ жилища и даже сама строить домъ. Отецъ только таскаетъ тяжести и подкатываетъ къ ней брусья и камни, размѣшиваетъ глину и грязь и приноситъ хворостъ, она-же лѣпитъ и мажетъ и устраиваетъ жилище такъ, какъ находитъ нужнымъ.

Въ какомъ-бы мѣстѣ мы ни поселились, гдѣ-бы мы ни стали устраивать нашу колонію, вся мѣстность тотчасъ-же начинаетъ измѣнять свой видъ и характеръ: тамъ, гдѣ текла рѣка, она вдругъ перестаетъ вовсе течь, такъ какъ ее преграждаетъ плотина; по другую сторону плотины появляется громадный прудъ; весь лѣсъ изрѣзывается каналами; громадныя деревья исчезаютъ и употребляются на постройки. Однимъ словомъ,

года черезъ два, черезъ три—даже самъ человекъ не узнаетъ такой мѣстности, такъ она измѣняетъ свой видъ отъ нашихъ работъ. Мнѣ рассказывалъ однажды одинъ изъ нашихъ бобровъ, переселившійся къ намъ изъ Канады въ Сѣверной Америкѣ на Камчатку и переплывшій къ намъ черезъ Беринговъ проливъ на имъ самимъ срубленномъ бревнѣ. Ихъ колонія поселилась у рѣки, невдалекѣ отъ которой проходило желѣзно-дорожное полотно. Когда они сдѣлали плотину, то рѣка вышла изъ береговъ, затопила желѣзную дорогу и смыла цѣлую насыпь, на которой были проложены рельсы. Тогда явились инженеры и разорили выстроенную бобрами плотину. Бобры не испугались и выстроили новую. Рѣка снова вышла изъ береговъ и снова подмыла желѣзно-дорожную насыпь. Тогда опять явились инженеры и опять разорили плотину. Точно имъ на зло, бобры выстраивали ее всякій разъ снова. Такъ продолжалось пятнадцать разъ подрядъ и кончилось наконецъ тѣмъ, что человекъ побѣдилъ и всѣ бобры должны были переселиться въ другія мѣста. Многіе изъ нихъ при этомъ погибли и ихъ пушистыя шкурки пошли инженерамъ на шапки и на воротники, а нѣкоторые изъ нихъ ушли далеко на сѣверъ. Этотъ американскій бобръ рассказывалъ мнѣ

потомъ много интереснаго о своемъ вамъ весь его разсказъ. А теперь
путешествіи. Я записалъ все, что пора уже кончать!
онъ мнѣ сообщилъ, на березовой Досвиданія!
корѣ, и когда-нибудь передамъ Камчатскій бобръ.
(Изъ «The Child. Enc.»).

АПРѢЛЬ.

Апрѣль, Апрѣль! Цвѣтутъ уже фіалки,
Одѣлось все зеленою листвою,
Поютъ скворцы, кричатъ грачи и галки
И пахнетъ нѣжною, молоденькой травой.

Ужъ легкій вѣтерокъ промчался по дорогѣ
И зарябилъ поверхность у пруда,
И странно такъ, что ужъ не вязнуть ноги,
Что грязи нѣтъ и не бѣжитъ вода.

Пришла весна. На смѣну теплымъ шубамъ
Ужъ солнце шлетъ горячіе лучи,
Ликуетъ все и ужъ давно надъ дубомъ
Летаютъ и шумятъ крикливые грачи.

И высоко взобравшись на скворешни,
Скворцы трещать, лопочуть и поютъ,
И пышно расцвѣли ужъ вишни и черешни
И яблони букетами цвѣтутъ.

И хочется гулять, ступать по мягкой травкѣ,
Пройтись не разъ по берегу рѣки
И наблюдать, какъ ползаютъ козявки,
Летаютъ бабочки или жужжатъ жуки.

Какъ хорошо, какъ ново все въ Апрѣлѣ,
Какъ ласковы поля, рѣка и лѣсъ!
И какъ мы ждемъ, чтобъ черезъ двѣ недѣли
Воскликнуть весело:—„Христось воскресъ!“

Кузнечикъ.

Маленькая хозяйка.

Дѣти горѣ.

ВЪ ГЛУБИНѢ ПАРКА.

Сіяло радостное весеннее солнце и все кругомъ—и въ паркѣ, и на поляхъ,—казалось новенькимъ и веселымъ. Кричали птицы и слышно было, какъ съ поля доносилось мычаніе скота.

Невдалекѣ отъ деревушки находилась небольшая усадьба, ласково выглядывавшая изъ-за зелени большихъ старыхъ деревьевъ и блестящая на солнцѣ бѣлизной своихъ построекъ. Каждый годъ, ранней весною, сюда пріѣзжала на все лѣто изъ Москвы семья, состоявшая изъ матери, двухъ дѣтей и прислуги,—и возвращалась обратно уже тогда, когда глубокой осенью подъ ногами шуршали желтые, сухіе листья. Въ домѣ была библіотека и едва только пріѣзжали въ усадьбу, какъ дѣвочка—Лида уже принималась за чтеніе своихъ любимыхъ „Волшебныхъ сказокъ“, которыя знала всѣ наизусть, но каждый разъ перечитывала ихъ все съ новымъ и новымъ интересомъ. Она любила чтеніе, но не могла побѣдить себя и противъ воли оставалась совершенно безучастна къ просьбамъ своего маленькаго братишки Борьки, просившаго ее съ нимъ поиграть.

— Лида, пойдемъ бѣгать!.. умолялъ онъ ее.—Мнѣ скучно одному!.. Ну, отчего ты не отвѣчаешь и не

хочешь играть?.. Ну, хоть расскажи мнѣ о томъ, что ты читаешь!

Лида обыкновенно поднималась съ мѣста, встряхивала кудрями и съ виноватымъ видомъ смотрѣла на Борю.

— Ну, подожди, Боря! съ своей стороны умоляла она его.—Дай мнѣ дочитать! Вѣдь я цѣлую зиму не читала этой книги!

Но Боря не унимался.

— Пойдемъ, Лидочка, побѣгаемъ!.. упрашивалъ онъ. — Вѣдь когда мама уѣзжала сегодня къ Поливановымъ, то приказала тебѣ не оставлять меня одного!.. Вѣдь я тебя слушаю! Пойдемъ!..

Глаза его наполнились слезами.

— Ты, кажется, собираешься плакать? спросила Лида и ей стало его жаль. — Ну, хорошо, продолжала она,—оставь меня еще на полчаса одну и дай мнѣ покойно дочитать книгу. Я обещаю тебѣ, что выйду къ тебѣ и поиграю съ тобой въ крокетъ!

И она быстро ушла куда-то въ паркъ.

Боря съ грустью посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Постоявъ немного, онъ отправился въ столовую, сѣлъ тамъ въ свой любимый уголокъ и, глотая слезы и подсмывая носомъ, сталъ играть въ оловянные солдатки. Но это скоро ему надоѣло. Солдатки были при немъ

и зимой. Ему хотѣлось побѣгать по парку; гдѣ теперь распѣвали птицы, свѣтило солнце и летали бабочки. Что, если онъ пойдетъ сейчасъ въ самую глубину парка одинъ? Онъ былъ немножко трусоватъ и боялся далеко уходить безъ сестры, но ее нужно было еще ожидать цѣлые полчаса, да еще умолять, чтобы она сжалась надъ нимъ и пошла. Чувство гордости заговорило въ Борѣ. Онъ собралъ своихъ солдатиковъ, сунулъ ихъ въ коробку и съ рѣшительнымъ видомъ вышелъ въ паркъ.

— Пойду одинъ!.. сказалъ онъ.— Не желаю кланяться!

Было жарко. Боря шелъ по аллеѣ все дальше и дальше, затѣмъ вышелъ на лужокъ и сталъ гоняться за бабочками. Испарина выступила у него на лбу. Какъ мальчикъ городской, еще не привыкшій много бѣгать, онъ скоро усталъ, запыхался и сталъ искать тѣни. Вдалекѣ, у самой ограды, въ самой глубинѣ парка, стоялъ огромный, раскидистый вязъ, подъ которымъ было такъ тѣнисто, что было даже похоже на сумерки. Утомившійся отъ жары бабочки рѣяли подъ его вѣтвями и Боря потянуло туда, къ этимъ бабочкамъ, гдѣ было такъ тѣнисто и прохладно. Онъ перебѣжалъ черезъ лугъ, вошелъ подъ тѣнь и присѣлъ у самой подошвы вяза.

— Уфъ! вздохнулъ онъ и сталъ

вытирать съ лица потъ.— Какъ жарко!

— Уфъ!.. повторилъ кто-то замогильнымъ голосомъ.— Мнѣ тоже очень жарко!..

Боря вздрогнулъ. Отъ страха у него что-то оборвалось въ груди. Онъ быстро вскочилъ.

— Кто тамъ?! спросилъ онъ.— Кто тамъ говорить?

— Это я, духъ этого дерева... слышался отвѣтъ.— Я властитель этихъ мѣстъ. У моего ствола по ночамъ собираются карлики и дриады и русалки сидятъ на моихъ вѣтвяхъ. Они ожидаютъ здѣсь появленія прекраснаго принца, котораго преслѣдуетъ баба-Яга... Но зачѣмъ ты пробрался сюда, человѣкъ, и своимъ появленіемъ нарушилъ тайну моихъ лѣсовъ? Несчастный!..

Боря дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Отъ страха онъ ничего не могъ говорить.

— Зачѣмъ ты такъ далеко ушелъ отъ своего родного дома одинъ? продолжалъ все тотъ-же голосъ. Хорошій мальчикъ никогда не долженъ уходить такъ далеко отъ дома, иначе его схватитъ баба-Яга, заколетъ и съѣстъ!

— Я больше не буду никогда... залепеталъ наконецъ Боря.— Я сейчасъ-же вернусь домой!..

— Только смотри, не рассказывай никому о томъ, что слышалъ мой голосъ, приказалъ духъ стараго вяза. — Если объ этомъ узнаетъ

хоть одна душа, то я заколю тебя и съѣмъ!

На этотъ разъ Боря уже былъ не въ состояннн долѣе выслушивать то, что говорилъ ему таинственный голосъ: онъ взвизгнулъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать. Когда онъ подходилъ къ дому, то на немъ не было лица; сердце у него билось, ноги дрожали и онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Въ этотъ самый моментъ домой возвратилась изъ гостей мама. Увидавъ Борю, она остановилась и поправила на немъ волоса.

— Что съ тобой, Боря? спросила она.—Ты весь блѣдный, дрожишь... Ты чего-нибудь испугался?

— Нѣтъ, мама... упавшимъ голосомъ отвѣтилъ ей мальчикъ.—Я сейчасъ бѣгалъ по парку и.. и вотъ... очень усталъ!

Ему тотчасъ-же сдѣлалось стыдно за свою ложь и онъ сразу-же густо покраснѣлъ.

— А гдѣ Лида? спросила мама.— Почему она не съ тобой?

— Она въ дѣтской... отвѣтилъ Боря.—Читаетъ... Или-же гуляетъ гдѣ-нибудь въ саду!...

Въ эту минуту изъ глубины парка прибѣжала и Лида. Увидѣвъ мать, она бросилась къ ней со всѣхъ ногъ.

— Здравствуй, мамочка! воскликнула она.—Какъ долго ты не прїѣжала!

Мама оглядѣла ее съ ногъ до головы.

— Лида?!. воскликнула она.— Гдѣ это ты была? Ты погляди на себя! Все платье у тебя измято, волоса въ беспорядкѣ, вся ты въ какой-то шелухѣ и въ паутинахъ!... Борисъ тоже самъ не свой... Что это вы затѣяли за нелѣпую игру?

— Игру?.. смутилась Лида.—Я вовсе сейчасъ не играла!.. Я все время безъ тебя читала „Волшебныя сказки“.

— Ну, такъ иди-же скорѣй и приведи себя въ порядокъ! приказала мама и поднялась по ступенямъ наверхъ.

Обѣдали поздно, въ восемь часовъ. За обѣдомъ Лида и Боря все время молчали. Боря былъ задумчивъ, не разговаривалъ и то и дѣло глубоко вздыхалъ. Лида имѣла такой видъ, точно у нея была не чиста совѣсть. Мама поглядывала на нихъ и не понимала, въ чемъ дѣло.

— А что, мама, спросилъ наконецъ Боря,—у насъ въ саду много русалокъ?

— Русалокъ? удивилась мама.— Какихъ русалокъ?

— А баба-Яга далеко отсюда живетъ?..

Лида подняла на Борю глаза и улыбнулась.

— Какой ты, Боря, дуракъ! сказала она тихонько.

Мама пристально посмотрѣла на Борю и на Лиду и не отвѣтила ничего. Когда пообѣдали и пода-

ли на сладкое мусъ, то она сказала:—

— Я была сегодня у Зиновьевыхъ... Они устраиваютъ на будущей недѣлѣ въ среду пикникъ и приглашали къ себѣ и васъ. Тамъ будетъ много дѣтей. Поѣдутъ цѣлой компаніей въ лѣсъ и будутъ пить чай прямо на травѣ на берегу рѣки. Хотите?

Дѣти сразу развеселились и подпрыгнули на стульяхъ отъ удовольствія.

— Хотимъ, хотимъ! закричали они и глаза ихъ радостно засверкали.

— Только условіе, продолжала мама.—Вы должны оба вести себя хорошо до самой среды!

Лида вытянула губки.

— До среды... сказала она.— Это долго! Развѣ можно выдержать до среды?

А Боря быстро сосчиталъ на пальцахъ, сколько дней оставалось еще до среды, и весело воскликнулъ:—

— Всего только четыре дня!

Посидѣли еще съ полчаса, помечтали о предстоящемъ пикникѣ и стали расходиться. Боря и Лида простились съ мамой и пошли къ себѣ спать.

Въ первый разъ въ жизни, ложась спать, Боря испытывалъ страхъ. Его отдѣляла отъ сестры ширма и когда няня потушила свѣчу и вышла и затѣмъ послышался ровный, сладкій храпъ Лиды,

то мечты о средѣ вдругъ уступили мѣсто воспоминанію о таинственномъ духѣ у стараго вяза и въ ухахъ у мальчика послышался знакомый замогильный голосъ. Онъ зажмурилъ крѣпко глаза, укрылся съ головой и долго не могъ заснуть отъ страха. Вся ночь протекла для него въ какомъ-то безпокойномъ, смутномъ кошмарѣ. Онъ часто кричалъ во снѣ. Раза два или три изъ сосѣдней спальной приходила къ нему среди ночи мама и крестила его. А когда онъ проснулся на слѣдующее утро и вышелъ къ чаю, то глаза у него были красны, точно онъ плакалъ.

— Ты здоровъ? спросила его мама и приложила ему руку ко лбу.— Ты всю ночь ворочался и кричалъ. Что съ тобой?

Боря и на этотъ разъ скрылъ отъ мамы истинную причину. Но она со своимъ тонкимъ, материнскимъ чутьемъ быстро догадалась, что дѣти что-то скрываютъ отъ нея, и стала за ними наблюдать.

Прошли три дня. По прежнему стояло теплое, солнечное время, цвѣла сирень и во всѣхъ концахъ заливались соловьи. Летали зеленныя и синія стрекозы и было такъ весело въ природѣ, что не хотѣлось уходить изъ сада домой. Всѣ эти три дня Боря уже не отбѣгалъ далеко отъ дома и боялся взглянуть лишній разъ въ сторону стараго вяза. Все время онъ бѣгалъ около террасы и игралъ одинъ. Лида попрежнему

была углублена въ свои „Волшебныя сказки“, воображала себя то феей, то волшебницей, то бабой-ягой, и, запершись у себя въ дѣтской, или забравшись куда-нибудь подальше въ паркъ, на разные голоса вела сама съ собой и съ невидимыми предметами разговоръ. Она начиталась сказокъ и мыслила только ими одними. Во всемъ и вездѣ ей мерещились Иваны-Царевичи, Спящія принцессы, замки, добрые и злые геніи, карлики и неожиданное счастье и торжество Иванушки-дурачка. Она удалялась въ какой-нибудь отдаленный уголокъ и тамъ, чтобы никто ея не слыхалъ, старалась представить въ лицахъ то, что прочитала въ своихъ сказкахъ, и что произвело на нее впечатлѣніе. Боря оставался все время одинъ.

— Ты плохая сестра! обратилась къ ней однажды мама. — Мальчикъ все время одинъ, а ты не хочешь его занять. Это не хорошо!

Лида виновато опустила глаза, покраснѣла, но, будучи не въ силахъ преодолѣть себя, брала свою книжку и уходила куда-нибудь далеко.

— Ну, ты хоть скажи мнѣ, куда ты уходишь?... упрасивалъ ее Боря. — Я тоже буду ходить съ тобой! Но ты не бойся, я не буду тебѣ мѣшать! Ты только не оставляй меня одного, когда мама уѣзжаетъ изъ дому!

— А ты боишься? удивлялась она. — Тебя все это пугаетъ? Да

вѣдь нѣтъ ничего интереснѣе, какъ что-нибудь страшное или таинственное! Я ужасно люблю сказки и страшныя исторіи!

Но Боря ея не понималъ. Онъ не былъ такимъ фантазеромъ, какъ она, и все „страшное“ и „таинственное“ на него наводило прстой, настоящей страхъ. Поэтому онъ опустилъ голову и съ грустнымъ видомъ отошелъ къ окну. Лида взяла свои сказки и тоже виновато отправилась куда-то въ паркъ.

Посидѣвъ у окна, Боря прошелъ отъ нечего дѣлать по всему дому, поскучалъ и направился затѣмъ къ террасѣ. Проходя мимо дѣтской, онъ заглянулъ въ нее. Лучъ солнца пронизывалъ ее всю и отражался на противоположной голубой стѣнѣ.

— Лида, ты здѣсь? спросилъ онъ въ дверь.

Отвѣта не послѣдовало. Боря вышелъ въ дѣтскую.

„Возьму оловянныхъ солдатиковъ“, подумалъ онъ, — „и буду въ нихъ играть одинъ!“

Онъ протянулъ было руку къ полочкѣ, на которой у него хранились солдатки, какъ вдругъ ему попался на глаза маленькій дѣтскій фотографическій аппаратъ его сестры. Онъ былъ заряженъ и стоялъ въ ожиданіи, когда у Лиды кончится увлеченіе сказками и начнется увлеченіе фотографіей. Она уже отлично снимала.

— Ну, вотъ и хорошо! прого-

ворилъ онъ.—Ты отказываешься, милая сестрица, играть со мной, такъ за это я буду пользоваться твоимъ фотографическимъ аппаратомъ! Посмотримъ, чья возьметъ!

Онъ схватилъ аппаратъ и выбѣжалъ съ нимъ на террасу.

„Что-бы мнѣ снять?“ подумалъ онъ.

Но все на террасѣ было уже въ тѣни и длинныя тѣни протянулись уже и по аллеямъ парка. Боря зналъ, что снимать можно было только при яркомъ свѣтѣ и потому вышелъ на площадку передъ домомъ. Далеко-далековпереди, почти у самой рѣки, виднѣлась яркосвѣщенная солнцемъ лужайка и въ концѣ ея возвышался у забора старый, таинственный вязъ. На лужайкѣ паслась корова и побрякивала бубенцомъ.

„Пойду, сниму ее!“ рѣшилъ Боря и побѣжалъ къ лужайкѣ.

Но едва только онъ ступилъ на нее, какъ попалъ въ какую-то трясину. Она не просохла здѣсь еще съ самой весны. Онъ вытащилъ ногу, обтеръ ее о траву и побѣжалъ по тропинкѣ въ обходъ. Его путь лежалъ какъ разъ мимо стараго вяза, но въ увлеченіи своимъ новымъ занятіемъ, онъ позабылъ о „лѣсномъ духѣ“ и прошелъ какъ разъ около самаго его ствола.

— Ты опять здѣсь, мальчикъ? вдругъ послышался снова тотъ-же самый голосъ Лѣснаго духа.—Ты опять вступилъ въ мои владѣнія,

въ которыхъ бывають только карлики, феи, да свѣтлокудрыя русалки?

Боря вздрогнулъ, остановился и выронилъ аппаратъ. Съ печальнымъ, звенящимъ звукомъ, онъ ударился угломъ прямо о подвернувшійся какъ нарочно камень.

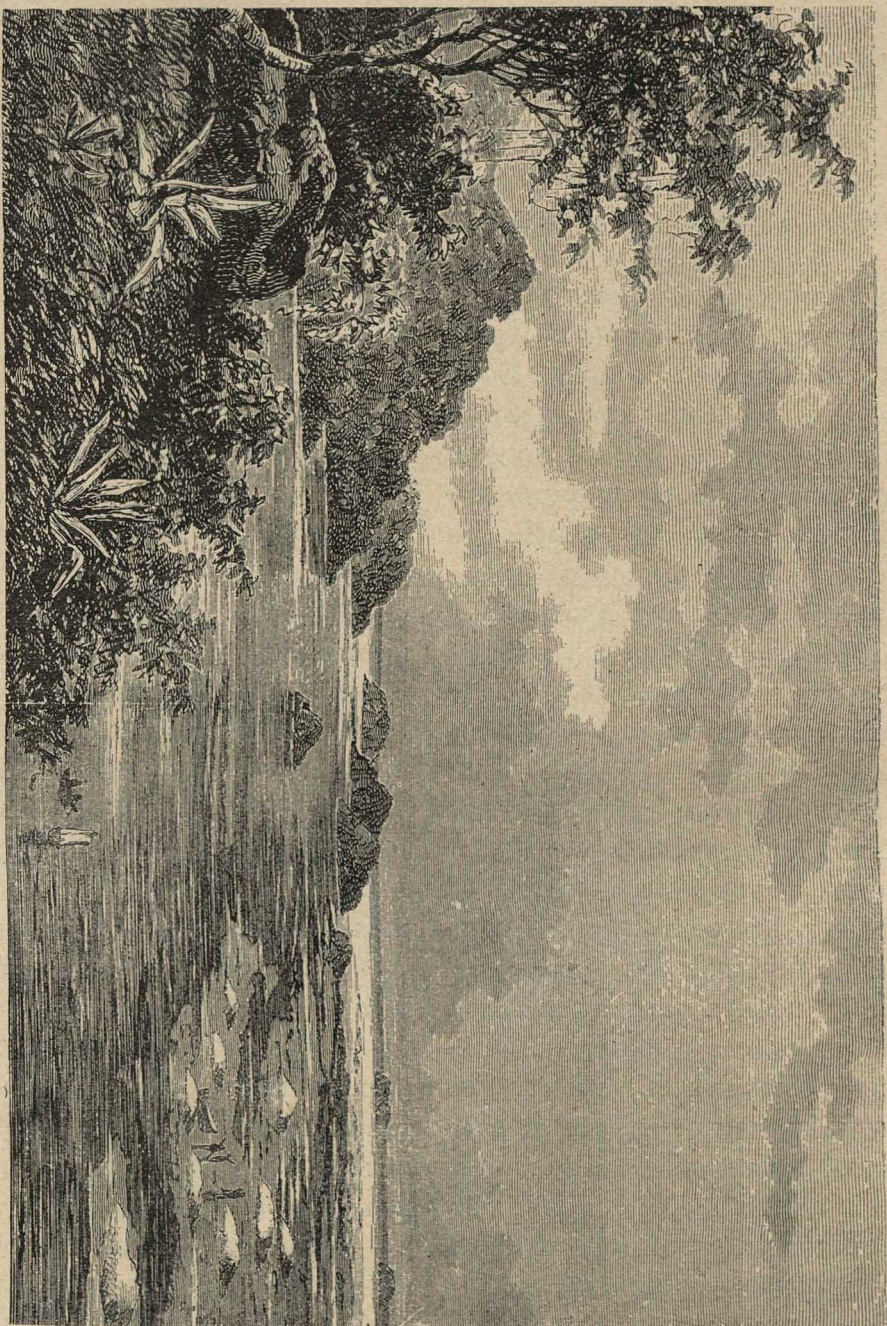
— Своимъ появленіемъ ты разрушилъ здѣсь тишину моихъ владѣній, продолжалъ голосъ, — и испугалъ русалокъ, нимфъ и фей, которыя сидѣли на моихъ вѣтвяхъ. Ты показалъ сюда дорогу людямъ и недобрымъ духамъ и теперь сюда явится баба-Яга... Развѣ ты позабылъ, что она можетъ тебя съѣсть?

— Нѣтъ, Лѣсной духъ, съ трепетомъ отвѣтилъ Боря,— я ничего не забылъ... Но что же дѣлать, если со мной не хочетъ играть сестра и я все одинъ, да одинъ? Я взялъ ее аппаратъ и хотѣлъ снять имъ вотъ ту корову, но завязъ въ болотѣ и нечаянно прошелъ около тебя...

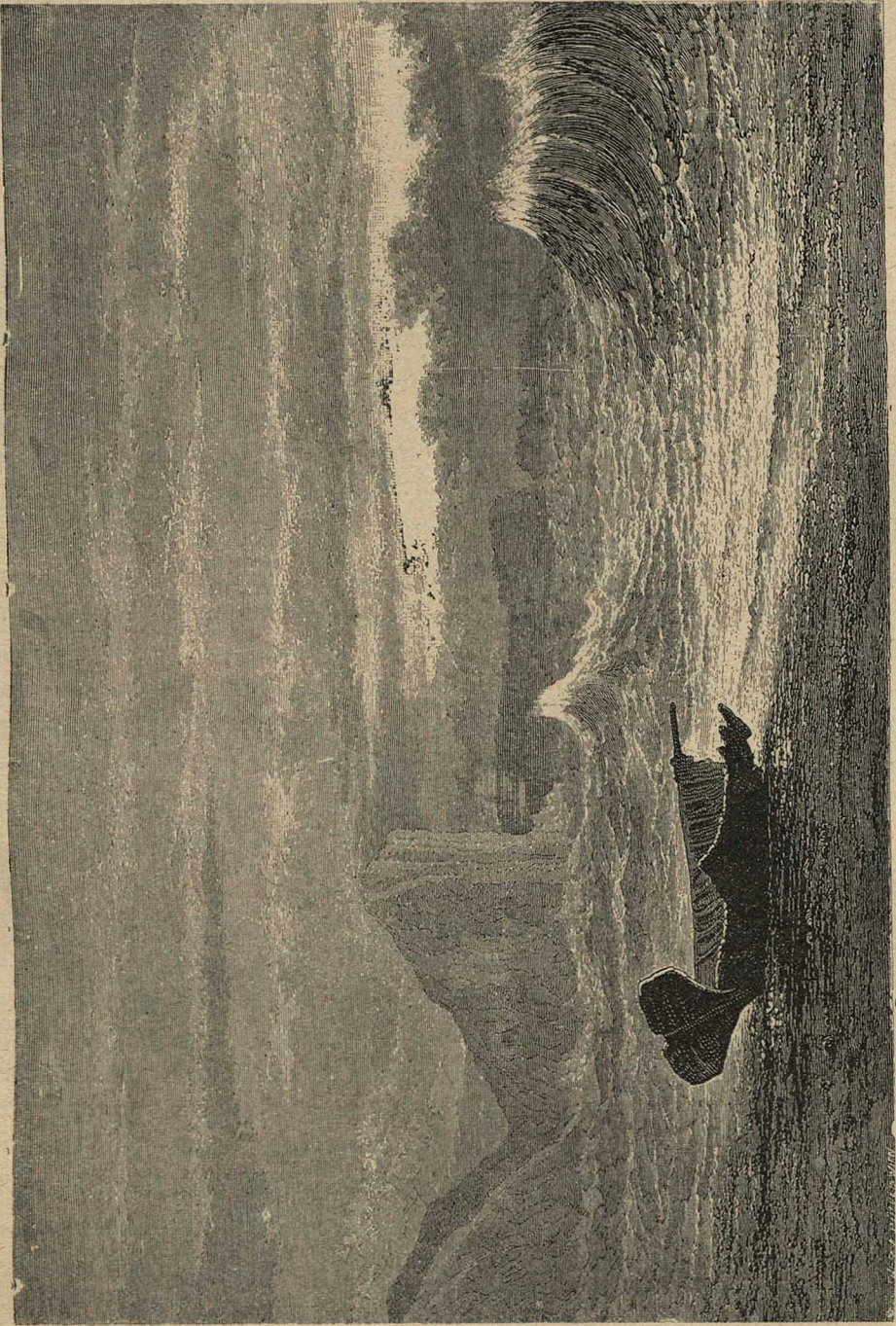
— Что? Что ты взялъ? послышался голосъ.

— Я взялъ фотографическій аппаратъ моей сестры... Но я испугался и уронилъ его. Вѣроятно, онъ... разбился и уже не годится никуда!

— Да какъ-же ты смѣлъ брать мой аппаратъ?! вдругъ послышался вмѣсто таинственнаго голоса Лѣснаго духа визгливый вопль Лиды.— Гадкій мальчишка! Кто-же тебѣ это позволилъ?..

Кораблонне острова на Великомъ океанѣ.

Послѣ кораблекрушенія.

Боря поднялъ кверху глаза и увидалъ свѣшивавшіяся съ вѣтвей ботинки и подолъ юбки своей сестры.

— Такъ это ты!! радостно воскликнулъ онъ.— Лида!! А я думалъ, что это дѣйствительно настоящій духъ!

— Какъ ты смѣлъ брать мой аппаратъ? повторила Лида и неловко слѣзла съ дерева на землю.

Онъ посмотрѣлъ на нее и, теперь уже довольный и веселый, улыбнулся во все лицо.

— Знаешь, что? сказалъ онъ.— Давай полѣземъ на дерево оба!— Это, должно быть, такъ интересно! А то ты лазала на него все одна, да одна!..

Но Лида подбѣжала къ аппарату, подняла его и стала осматривать его со всѣхъ сторонъ. Неужели онъ разбился?

Но въ это время изъ-за куста одичалой сирени вдругъ неожиданно вышла мама. Она подошла къ Лидѣ, взяла ее за руку и пристально посмотрѣла ей въ глаза.

— Зачѣмъ ты его пугала? строго спросила она ее.

— Я? Пугала? удивилась Лида. Удивленіе ея было настолько искренно, что мама смутилась.

— Да, ты его пугала! повторила мама.— Ты спряталась въ вѣтвяхъ этого дерева и нарочно представляла Лѣсного духа!

Лида ясными, правдивыми гла-

зами посмотрѣла на мать, засмѣялась и бросилась ей на шею.

— Я хотѣла, какъ въ сказкѣ... сказала она, густо покраснѣла и тотчасъ-же опустила глаза.— Я такъ люблю все таинственное, мамочка, что всѣ деревья кажутся мнѣ живыми и я разговариваю съ ними на разные голоса!.. Не виновата-же я, что здѣсь проходила Боря, когда я съ ними разговаривала, и услышалъ меня. Но это уже въ послѣдній разъ, мамочка! Я больше уже не буду никогда!

Мама взяла у нея изъ рукъ книгу и передала ее Борѣ.

— Ты любишь все таинственное и чудесное? обратилась она къ Лидѣ.

— Да, мамочка, очень... отвѣтила Лида и опустила глаза.

— Въ такомъ случаѣ погляди вокругъ себя, указала мама.— Погляди на эти деревья, на этотъ лужокъ, на это глубокое, голубое небо! Развѣ все это не полно тайны и чуда, развѣ все это не такъ красиво, какъ тѣ пустыки, о которыхъ ты такъ начиталась, что стала даже бредить наяву? Слышишь—звонить бубенчикъ на шеѣ у коровы? Развѣ не чудо этотъ звонъ? Видишь—летитъ эта голубая стрекоза? Развѣ не чудо этотъ ея полетъ? А эти прелестные луговые цвѣты, эти мошки и ничтожныя козявки, которыя ползаютъ и летаютъ вокругъ нихъ, эти твои глаза, которыми ты на

нихъ смотришь,—развѣ все это не тайна и не чудеса? И вмѣсто того, чтобы на все это глядѣть и восхищаться и стараться хоть немножко постигнуть тайну этихъ чудесъ, ты ничего не видишь вокругъ себя, уединяешься, цѣлые дни проводишь согнувшись надъ книгой и читаешь какіе-то пустяки. Какъ мнѣ тебя жаль! Какъ мало счастья ожидаетъ тебя впереди!

Лида стояла, опустивъ голову. Слова матери проникали ей въ самую душу. Заходило солнце, длинные тѣни протянулись изъ края въ край, понеслись отовсюду ароматы, заиграла гдѣ-то за рѣкою свирѣль и во всѣхъ концахъ парка стали надрыватья соловьи. Наступалъ тихій, нѣжный, ласковый вечеръ и готовилась смѣнить его теплая, спокойная, лунная ночь. Великая книга — природа развертывала передъ человѣкомъ страницу за страницей и этимъ ея страницамъ, казалось, не было конца. Лида подняла голову и вдругъ ясно и отчетливо, какъ ни

разу еще въ жизни, увидала всю эту красоту. Точно завѣса спала съ ея глазъ и она обняла мать за шею и тихонько сказала:

— Я больше не буду, мама, никогда...

— Что не будешь? спросила ее мать.

Лида не нашлась, что отвѣтить, но мать поняла ее вполнѣ. Всѣ трое, взявшись за руки, отправились къ дому и заговорили о завтрашнемъ пикникѣ.

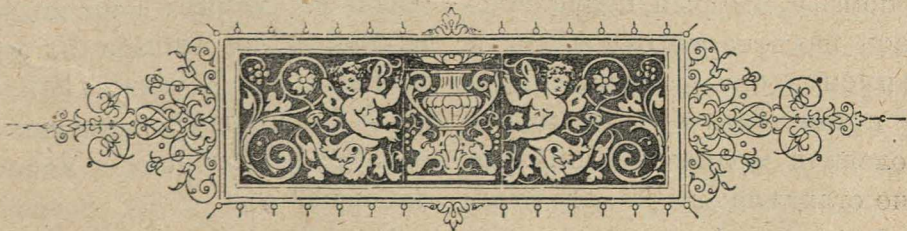
— А ты будешь тамъ завтра со мною бѣгать? робко спросилъ Боря сестру.

Лида обняла его за плечо и привлекла его къ себѣ.

— Не только завтра, а каждый день, всегда! быстро отвѣтила она.—Теперь я все время буду съ тобой!

Боря взвизгнулъ отъ радости и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать впередъ. Лида побѣжала за нимъ въ догонку и еще долго слышался ихъ счастливый раскатистый смѣхъ.

Гальмаръ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Христось воскресъ! Поютъ колокола
 И вся земля цвѣтеть подь солнцемъ вешнимъ.
 Жужжить въ черемухѣ пчела
 И цвѣтомъ розовымъ осыпаны черешни.
 Синѣютъ небеса... Кружатся надъ ручьемъ,
 Мелькая крыльями, лазурныя стрекозы.
 Согрѣтый солнечнымъ лучемъ
 Закапаль по стволамъ душистый сокъ березы.
 Колокола поютъ все громче, все звончѣй;
 Имъ вторить радостно воскресшая природа,
 Отъ зацвѣтающихъ степей
 Несется ароматъ душистыхъ травъ и мѣда.
 Христось воскресъ! Какъ все кругомъ полно
 Весеннимъ праздникомъ святого воскресенья!
 И вѣтеръ дышитъ мнѣ въ окно
 Полураствѣтшею сиренью.

Е. Оберучева.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Назаровна овладѣла собой, но все еще полная трепетнаго волненія, взяла Катю за руку и пошла съ ней въ домъ. Костя сидѣлъ уже за столомъ и, хмурый, низко склонившись надъ тарелкой, обѣдалъ. Повидимому, онъ получилъ единицу, потому что былъ чѣмъ-то недоволенъ и молчалъ. Няня пристально оглядѣла его. Да, это былъ онъ, тотъ самый мальчикъ, съ которымъ она плыла когда-то на пароходѣ и котораго встрѣтила потомъ въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ Оберъ-Бриккау. Онъ только выросъ и возмужалъ, но все такой-же, какимъ она видѣла его и какимъ не забыла-бы его никогда.

— Здравствуй, миленькій! сказала она наконецъ.— Узнаешь-ли ты меня?

Онъ поднялъ голову. Сначала онъ еще больше нахмурился, уви-

дѣвъ передъ собою незнакомую женщину, но потомъ лицо его вдругъ все просіяло, онъ узналъ ее и вскочилъ съ мѣста

— Здравствуй! закричалъ онъ— Какими судьбами? Откуда ты взялась?

Назаровнѣ было пріятно, что ее узнали. Какъ человѣкъ одинокій, не имѣвшій никого на свѣтѣ родныхъ, но умѣвшій любить и искавшій привязанности, она почувствовала вдругъ къ этому мальчику какое-то необыкновенно родственное чувство и слезы такъ и брызнули у нея изъ глазъ.

— Неужто узналъ, миленькій? залепетала она.—Дай, я поцѣлую твою рученьку прекрасную! Дай мнѣ взглянуть на тебя, ненагляднаго!..

Онъ вышелъ изъ-за стола.

— Вѣдь ты та самая русская баба, сказалъ онъ,—съ которой я ѣхалъ тогда на пароходѣ?

— Такъ, такъ, батюшка... Плыла, миленькій, плыла!.. И утопала-то вмѣстѣ съ тобою!.. И спаслись-то мы вмѣстѣ съ тобой!.. Только вотъ разлучилъ насъ потомъ Господь!

Вошла Дуняша со вторымъ блюдомъ и, увидѣвъ эту сцену, удивилась и побѣжала за бабушкой. Прибѣжала и бабушка. Для Назаровны же теперь уже не оставалось больше никакого сомнѣнія въ томъ, что эта дѣвочка Катя была именно той самой Кетти, которую она вынянчила когда-то на своихъ ру-

кахъ. И, схвативъ въ объятія Катю, она стала цѣловать ее въ щеки, шею, въ глаза, въ грудь, а слезы такъ и бѣжали у нея по щекамъ.

— Красавица ты моя! лепетала она.—Голубушка ты моя! Довелъ-же Господь встрѣтиться—и гдѣ-же? У добрыхъ людей, у себя на родинѣ!.. Да думала-ли я, гадала-ли я, куриная слѣпота, что увижу тебя здѣсь?

Ей было стыдно своихъ слезъ и причитаній въ первыя же минуты своего пребыванія у бабушки, она спохватилась и, поставивъ Катю на полъ, сдѣлала передъ бабушкой низкій, почти земной поклонъ.

— Ужъ вы простите меня, матушка-барыня, сказала она,—что я реву, какъ бѣлуга. Ужъ такая у меня мокрая душа!

Но бабушка стояла, тоже полная удивленія, и ровно ничего не понимала, Почему плакала эта старушка — няня? Какъ она могла оказаться знакомой Кости? Почему она и Костя держатъ себя сейчасъ такъ, точно знали другъ дружку уже давно и сейчасъ только по настоящему припомнили одинъ другую? Съ своей стороны Костя не понималъ, какъ могла очутиться здѣсь Назаровна и что было общаго между ею и Катей? Что же касается самой Назаровны, то вся эта встрѣча казалась ей какимъ-необыкновеннымъ чудомъ, постигнуть которое она не сумѣла-бы никогда.

— Стою вотъ, какъ дура, сказала она,—а въ головѣ то у меня все и перевернулось вверхъ дномъ. Ничего не понимаю, курица я безмозглая! Голова—словно бубень стала: такъ и гудить, такъ и гудить!.. Ужъ вы меня простите, миленькіе... Господа мои прекрасные!..

И она снова залилась слезами.

— Да поѣшь-же ты наконецъ, Костенька, второго! крикнула Костѣ потерявшая терпѣніе Дуняша.— Вѣдь рыба-то остынетъ!

Но Костѣ было уже не до ѣды. Весь его аппетитъ пропалъ. Костя весь ушелъ въ это неожиданное событіе и ему уже хотѣлось говорить, дѣлать предположенія, доказывать... Цѣлый рядъ событий промелькнулъ у него въ головѣ, онъ хотѣлъ всѣмъ объяснить все по порядку, но въ это время бабушка взяла Назаровну за руку и повела ее въ гостиную.

— Сядь здѣсь, няня!.. приказала она.— Успокойся и расскажи все по порядку. Я ровно ничего не понимаю!

Чувствуя передъ госпожой неловкость, Назаровна сѣла на кончикъ стула и, утирая слезы краями висѣвшаго у нея на плечахъ платка, безхитростно и безъ прикрасъ, стала рассказывать ей все, какъ было:—какъ около пяти лѣтъ тому назадъ она вмѣстѣ съ Евгеніей Федоровной и вотъ такой-же дѣвочкой Катей, выѣхала изъ это-

го самага города за границу, какъ встрѣтилась съ Костей на парходѣ, какъ они потерпѣли вмѣстѣ кораблекрушеніе и какъ ее вытащили изъ воды рыбаки и доставили въ нѣмецкій городъ. Съ трогательною простотою, безъ всякаго желанія возбудить къ себѣ состраданіе, она рассказала далѣе, какъ, вся обледенѣлая, голодная и еле державшаяся на ногахъ, она бродила по чужому городу одна и какъ ее пріютила наконецъ у себя бѣдная нѣмецкая семья Франца Фидлера, у котораго она вынянчила вотъ эту самую Катюшку и ея сестренку Маргариту. Самъ Францъ Фидлеръ уже умеръ еще при ней,—но гдѣ-же теперь фрау-Луиза? Гдѣ ея другая дочь Маргарита?

— Славные были нѣмцы, сказала она,—жалостливые такіе... Другой богатый такъ не пожалѣетъ, какъ они пожалѣли меня...

Всѣ слушали ее съ глубокимъ вниманіемъ. Внимая ея разсказу, Костя позабылъ обо всемъ и передъ его глазами проносились давно уже забытыя картины, какъ онъ самъ тонулъ, какъ ухватился за какую-то корзину и выплылъ съ ней на берегъ, какъ бродилъ ночью, тоже весь обледенѣлый, по тому-же самому нѣмецкому городку и какъ положилъ потомъ эту корзину на церковную паперть и ушелъ. Вспомнилъ онъ и тотъ крикъ, не то кошки, не то ребен-

ка, который раздавался въ корзинѣ...

— Костенька! перебила его мысли Дуняша. — Да иди-же наконецъ кушать второе! Въдь рыба остынетъ!

Но Костя отмахнулся отъ нея и все еще продолжалъ въ одно и то же время и слушать, и вспоминать.

Бабушка все еще ничего не понимала.

— Да кто была та дама, спросила она Назаровну, — у которой ты здѣсь служила?

— Евгенья Федоровна, быстро отвѣчала няня, — Евгенья Федоровна! Она тутъ и жила въ своемъ домѣ на Лаврушинской улицѣ, какъ осталась вдовой, да теперь этотъ домъ чей-то чужой. Я уже справлялась. Должно быть, какъ утопла-то она, бѣдная, такъ ейные родственники домъ-то и продали!

— Да какъ фамилія-то была этой Евгениі Федоровны? допытывалась бабушка.

Назаровна помолчала.

— А вотъ, матушка-барыня, и не помню! отвѣтила она. — Позабыла! Память то у меня стала куриная! Словно рѣшето!

— Какъ-же ты разговаривала съ нѣмцами въ Германіи? Въдь ты прожила тамъ больше двухъ лѣтъ?

— А такъ, барыня, и разговаривала на пальцахъ! Нѣмка-то мнѣ полопочетъ что-нибудь по ихнему, по-нѣмецкому-то, — видитъ, что

я не понимаю, и начнетъ этакъ пальцами шевелить, — я ее и пойму! И я ей тоже пальцами! Такъ и разговаривали на пальцахъ два года!

Всѣ засмѣялись. Костя былъ въ восторгѣ. Катя давно уже узнала свою бывшую няню и теперь уже висла на ней и не хотѣла отъ нея отходить. Рыба давно уже остыла въ столовой и ее некому было принять или съѣсть. Отчаявшись, что кто-нибудь заглянетъ въ кухню и сниметъ трубу, давно уже скипѣвшій самоваръ захотѣлъ убѣжать самъ и разлился по кухнѣ въ три ручья! Неожиданное совпаденіе захватило вниманіе всѣхъ.

— А теперь ты, матушка-барыня, расскажи мнѣ, обратилась вдругъ няня къ бабушкѣ Наталіи Кирилловнѣ, — откуда ты добыла себѣ эту Катюшку? Какъ она къ тебѣ попала? Гдѣ теперь ея matka Луиза и сестренка Маргарита? Вспоминаютъ-ли онѣ обо мнѣ?

Бабушка рассказала ей все по порядку. Но ея рассказъ касался больше только ея самой и Кости. Что она могла сказать о Катѣ? Развѣ только то, что была въ горахъ метель, что погибли въ снѣгу какая-то неизвѣстная женщина и что ея дочь, вотъ эту самую Катю, спасла собака Мистраль и принесла на себѣ въ монастырь. Тамъ бабушка взяла къ себѣ на воспитаніе эту дѣвочку-сироту и

Пирерѣли.

Молодежь.

вотъ привезла ее сюда. Вотъ и все, что она знала о Катѣ. Что же касается ее сестры Маргариты, то объ ней бабушкѣ было неизвѣстно ничего.

— Маргариту взялъ на руки какой-то черный дядя, вдругъ встала Катя, — и унесъ съ собою куда-то далеко!

— Какой-же это дядя? спросила Назаровна.

— Какой-то дядя съ черной бородой...

Всѣ переглянулись. Пролетѣлъ тихій ангелъ. Теперь для всѣхъ казалась ясной общая связь событій. Всѣ теперь знали, что была такая то нѣмецкая семья, у которой умеръ отецъ; оставшаяся вдовой мать вмѣстѣ съ двумя своими дочерьми — Катей и Маргаритой, зачѣмъ-то отправилась въ Швейцарію и тамъ погибла въ горахъ; Катю откопала въ снѣгу собака Мистраль, а бѣдную Маргариту унесъ съ собой какой-то дядя съ черной бородой; навѣрное, это былъ попутчикъ; но еще вѣрнѣе — и то, что и этотъ дядя съ Маргаритой тоже погибли въ снѣгахъ, потому что ихъ уже больше не встрѣтилъ въ горахъ въ тѣ дни никто.

Поговорили, повздыхали, попили затѣмъ чаю и еще не разъ и не два возвращались опять все къ тому-же разговору. А когда наступилъ наконецъ вечеръ и всѣ стали ложиться спать, то, благодаря этому

сдѣленію обстоятельствъ, и этой странной случайности, которая такъ хитро и неожиданно соединила всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ одной и той-же судьбѣ, — и бабушкѣ и нянѣ Назаровнѣ стало казаться, что онѣ знали другъ дружку уже давно-давно и что въ ихъ теперешнихъ отношеніяхъ установилось что-то теплое, родственное, проникнутое уваженіемъ другъ къ другу. И кончилось дѣлотѣмъ, что, проснувшись среди ночи и подойдя по обычаю къ кроваткѣ Кати, чтобы ее перекрестить, бабушка увидала около нея сидѣвшую Назаровну, которая не спала и тихо мурлыкала надъ Катей. Это умилило бабушку и напомнило ей тѣ далекія времена, когда и надъ ней самой тихо напѣвала когда-то ее няня.

— Ты-бы шла спать, Назаровна! сказала она. — Уже поздно!

— Ничего, барыня, я и посижу! тихо отвѣтила няня. — Словно у себя въ домѣ, у своихъ родныхъ... Наглядѣться на васъ всѣхъ не могу... Такія вы всѣ хорошіе!..

— Да и ты няня, тоже хорошая! улыбнулась бабушка и, поправивъ на себѣ чепецъ, легла опять въ постель

Настало утро, Костя ушелъ въ гимназію и тотчасъ-же по его уходѣ Назаровна повела Катю гулять. Вернулись съ гулянья, поѣли и опять пошли на дворъ, затѣмъ вернулся Костя изъ гимназіи и

и сѣлъ за уроки. Какъ-то быстро наступилъ вечеръ и стали незамѣтно мелькать дни за днями и потянулись длинной, размѣренной чередой сначала недѣли, потомъ мѣсяцы, а потомъ миновалъ и годъ. Всѣ жили одной тѣсной семьей, были дружны и никому и въ голову не приходило, что могло бы быть иначе. Было-бы даже странно и подумать, что Дуняша и няня могли-бы когда нибудь отказать отъ мѣста и уйти, или что бабушка могла-бы отказать имъ отъ мѣста сама. Всѣ жили, какъ близкіе родные, и разница положеній между хозяйкой, дѣтьми и прислугой сгладилась какъ-то сама собой и ея мѣсто заступили привязанность и уваженіе другъ къ другу. Бабушкѣ не нужно было ни приказывать, ни распорядиться — и все дѣлалось какъ-то само собой. Поэтому неудивительно, что Дуняша и няня заглядывали иной разъ и въ сундуки къ бабушкѣ, и въ ея комодъ, и съ озабоченнымъ видомъ докладывали ей потому, что появилась моль и что надо бы подсыпать перцу или табачку. И бабушка съ такимъ-же озабоченнымъ лицомъ приказывала имъ какъ можно скорѣе купить махорки или камфоры и переложить ими одежду.

— Это отъ сухого воздуха! говорили онѣ всѣ втроемъ. — Надо почаще отворять окно!

И всѣ трое онѣ объявляли без-

пощадную войну моли. Смертной казни подвергалась не только сама моль, но и всѣ подобныя ей маленькія бабочки, которыя залетали въ домикъ и начинали порхать надъ свѣчей.

— Моль! Моль! вскакивали всѣ и начинали хлопать въ воздухъ ладонь объ ладонь, чтобы истребить между ними врага.

Въ одну изъ такихъ переборокъ одежды, няня увидала въ одномъ изъ шкафовъ маленькое, старое, поношенное пальтишко Кати. Это было то самое пальтишко, въ которомъ она была въ горахъ, когда ее спасъ Мистраль. Бабушка берегла его для воспоминаній, какъ реликвію, но уже позабыла о немъ и такъ и оставила его висѣть въ шкафу. Няня увидала его, оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и тоже пришла въ умиленіе.

— Матушки... проговорила она — Батюшки... Милое ты мое!..

И вдругъ глаза ея упали на дырочку, которую проѣла моль. Она встревожилась и сразу-же сдѣлала обезпокоенное лицо.

— Барыня! крикнула она бабушкѣ въ сосѣднюю комнату. — А не уложить-ли намъ старенькое Катюшино пальто въ сундукъ? Вѣдь его уже проѣла моль!

— Ну, что-жъ? отвѣтила бабушка. — Уложи!

Назаровна обшарила въ пальтишкѣ карманы. Въ одномъ изъ нихъ оказались крошки хлѣба и

высохшая косточка отъ апельсина а въ другомъ—какой-то странный предметъ. Это было что-то мягкое зашитое въ холщевый мѣшочекъ, на длинной, скомканной теперь въ путанный узелъ тесемкѣ. Няня помяла мѣшочекъ между пальцевъ и распутала тесьму; она оказалась пришитой обоими своими концами къ мѣшочку, образуя большую, просторную петлю.

— „Гмъ... Что бы это могло быть“ подумала Назарова

И, будучи не въ состояніи сама этого рѣшить, она отправилась съ находкой къ бабушкѣ.

— Барыня, сказала она. — А посмотри-ка, что я нашла у Кати въ пальтѣ! (Она со всѣми разговаривала на „ты“).

Бабушка оглядѣла находку со всѣхъ сторонъ и насторожилась.

— Это ладонка! сказала она.— Въ этомъ мѣшочкѣ что-то зашито! Катя, поди-ка ты сюда!

Къ бабушкѣ тотчасъ-же подбѣжала Катя.

— Что это такое? обратилась къ ней бабушка.

— Это? спросила Катя и съ недоумѣніемъ оглядѣла мѣшочекъ со всѣхъ сторонъ.— Не знаю...

Но вдругъ глаза у нея заблестали и она вся преобразилась. Она вспомнила.

— Ахъ да, да!.. воскликнула она радостно.— Это мѣшочекъ! Передъ тѣмъ, какъ поѣхать къ тетѣ въ горы, мама подозвала меня къ себѣ

и надѣла мнѣ его на шею!— „Береги его!“ сказала она мнѣ.— „Въ немъ твоя судьба! Если я умру на дорогѣ, то ты покажи этотъ мѣшочекъ тому, кто тебя возьметъ!“

У бабушки отъ волненія задрожали руки.

— Какъ-же онъ попалъ къ тебѣ въ карманъ? строго спросила она Катю.

Дѣвочка посмотрѣла на нее наивными глазами.

— А онъ мнѣ давилъ шею, просто отвѣтила она,—и я сняла его по дорогѣ когда мы ѣхали въ горы, и положила къ себѣ въ карманъ. Но ты, бабушка, не безпокойся; въ немъ простой кусоекъ бумаги и больше ничего.

Бабушка кивнула незамѣтно Назаровнѣ и та подъ какимъ-то предлогомъ вывела Катю въ другую комнату и передала ее Дуняшѣ. Затѣмъ она вернулась назадъ. Все еще полная охватившаго ее волненія, бабушка взяла ножницы и распоролла мѣшочекъ. Въ немъ дѣйствительно оказался свернутый въ восемь разъ листокъ почтовой бумаги. Къ нему была приколота булавкой какая-то квитанція. Бабушка развернула его и надѣла очки. Въ первую минуту все замелькало у нея въ глазахъ.

— Да, записка... проговорила она измѣнившимъ ей голосомъ.— Написана по нѣмецки...

И съ трудомъ разбирая мелкій нѣмецкій почеркъ и всѣми сила-

ми стараясь припомнить свои давно уже позабытыя познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, бабушка стала читать слѣдующее:—

„Добрые люди! Если мнѣ суждено умереть раньше, тѣмъ выяснится судьба этой дѣвочки, то прочтите эту строку и приютите ее у себя. Я не знаю, кто она и кто были ея дорогіе родители. Я и мой мужъ были очень бѣдны. У насъ было уже двое дѣтей, но Богъ послалъ намъ еще третьяго ребенка—дочь Маргариту и намъ нечѣмъ было ее кормить. Тогда мой мужъ сказалъ мнѣ:—„Луиза, все равно у насъ Маргарита умереть съ голоду, какъ умираютъ и двое другихъ нашихъ дѣтей—Эмма и Фрицъ. Я не могу видѣть ея страданій! Дай ее сюда я пойду и подкину ее къ богатымъ людямъ, гдѣ ей будетъ хорошо“! Я изнемогала отъ слабости, такъ какъ мы не ѣли уже давно, и передала ему ребенка. Онъ взялъ его и ушелъ. Это было 4-го февраля 1876 года. Была зима, шель снѣгъ и на улицахъ стоялъ морозъ. Я и дѣти не могли уснуть, хотя была уже глубокая ночь.—„Насъ навѣрное теперь накажетъ Господь“, думала я,—„вѣдь подкинуть ребенка значитъ то-же, что его и убить“. Я хотѣла молиться, и не могла. Какъ вдругъ я услышала стукъ. Это вернулся мой мужъ. Онъ несъ на одной рукѣ Маргариту, а въ другой держалъ какую-то корзин-

ку.—„Луиза, сказалъ онъ.—Богъ не допустилъ меня сдѣлать преступленіе. Въмѣсто того, чтобы бросить своего ребенка, я принесъ къ тебѣ еще и чужого! Теперь у насъ вмѣсто одного новорожденного ребенка—дѣлхъ двое!“ Я обрадовалась, схватила отъ него Маргариту и затѣмъ мы оба раскрыли корзину. Въ ней оказалась дѣвочка около восьми мѣсяцевъ или около года. Она принесла намъ счастье. Въмѣстѣ съ ней въ корзину оказались деньги и драгоценныя вещи. Это вернуло намъ жизнь. Мы потратили деньги и скоро мой мужъ сталъ твердо на ноги, нашелъ мѣсто и сталъ честно зарабатывать свой собственный кусокъ хлѣба. Дѣвочку мы назвали Кетти а ея драгоценности положили на храненіе въ банкъ, чтобы отдать ей ихъ тогда, когда она будетъ выходить замужъ. Здѣсь прилагается квитанція отъ банка въ принятіи этихъ вещей. Мужъ сказалъ мнѣ, что эту корзину съ дѣвочкой и съ драгоценностями и деньгами онъ нашелъ на паперти церкви святого Причастія, куда подкинулъ ее кто-то другой, не такой бѣдный, какъ мы, но зато болѣенесчастный, чѣмъ всѣ“.

Няня плакала въ три ручья. Бабушка перевела духъ, тоже вытерла слезы, протерла очки и продолжала:—

„Богъ послалъ намъ няню, добрую старушку изъ Россіи. Она

потерпѣла кораблекрушеніе и какъ-то оказалась вдругъ около нашей двери. Мужъ ввелъ ее и мы полюбили ее, какъ родную сестру. Она помогла намъ воспитать двухъ дѣвочекъ и если-бы не она, то намъ пришлось-бы тяжело. Мы стали уже подумывать о томъ, какъ найдемъ квартиру побольше и какъ начнемъ откладывать деньги на черный день, какъ вдругъ умерли отъ скарлатины наши двое старшихъ дѣтей. Затѣмъ скончался мой мужъ. Его принесли ко мнѣ мертвымъ домой. Теперь уже я лишилась своего кормильца и меня ожидала впереди нищета. Скоро бѣдность постучалась ко мнѣ въ окно. Настали дни, когда мнѣ не на что было купить для дѣвочекъ молока. Тогда я отпустила старушкуняню обратно къ ней въ Россію и осталась со своими малютками одна“.

— И я-то, дура, послушалась ее и уѣхала! всхлинула Назаровна.— Оставила ее, родимую, одну!.. И не видѣла, куриная слѣпота, что ей было безъ меня тяжело!

Бабушка продолжала:—

„Два года пробилась я съ дѣтьми въ нищетѣ одна и вотъ рѣшила наконецъ отправиться къ своей сестрѣ въ Швейцарію погостить. Быть можетъ, я останусь у нея и совсѣмъ. Она приглашала меня къ себѣ еще тотчасъ-же послѣ смерти моего мужа, когда у меня

жила еще русская няня, но я все какъ-то стѣснялась и боялась быть ей въ тягость. У нея тоже своя большая семья. Но вотъ я уже въ Швейцаріи. Передо мною высокія Альпійскія горы, заходящія за облака. Холодно, идетъ снѣгъ и мнѣ страшно почему-то идти. Меня ведетъ какой-то незнакомый монахъ, который, помогаетъ мнѣ нести дѣтей. Мы идемъ уже пять часовъ, давно уже оставили позади себя городъ Люцернъ и сейчасъ находимся въ маленькомъ, послѣднемъ человѣческомъ селеніи у горъ. Далѣе мы уже не встрѣтимъ по пути ни одной души. Какое-то смутное чувство подсказываетъ мнѣ, что я не дойду, умру въ горахъ и что дѣти останутся одни. Но, быть можетъ, это и отъ усталости. И вотъ я пользуюсь тѣмъ, что сижу сейчасъ у стола, и пишу это письмо. Кто-бы ни былъ тотъ человѣкъ, который прочтетъ это письмо, я умоляю его приютить сиротку Кетти, воспитать ее и устроить впослѣдствіи ея судьбу. Ея драгоценности лежатъ на сохраненіи въ Сѣверо-Нѣмецкомъ банкѣ въ Берлинѣ, куда нарочно ѣздилъ мой покойный мужъ, чтобы ихъ вложить. Луиза Фидлеръ, вдова“.

Бабушка кончила чтеніе, вздохнула и обѣ старушки нѣсколько разъ перекрестились.

— Царство ей небесное, голу-

бушеѣ! сказала бабушка.—Упокой, Господи, ея душу и пусть она тамъ на небѣ не беспокоится: я воспитаю Катю, какъ родную дочь!

— Такъ вотъ кто наша Катя! проговорила няня. — Она — тоже подкидышъ. А я думала, что она была той нѣмкѣ родная дочь! Вотъ бы теперь узнать, кто нашей Катюшѣ отецъ и мать!

— Тссс!.. сказала бабушка. — Не говори такъ громко! Катя можетъ услышать! Это смутить ей душу и нарушить ея покой. Пусть она такъ и не знаетъ, что написано въ этомъ письмѣ. Пусть по прежнему считаетъ, что умершая—ея родная мать!

Хлопнула калитка и подъ окнами послышались чьи-то шаги. Вслѣдъ затѣмъ кто-то завозился на заднемъ крыльцѣ и раздался радостный визгъ Кати. Это возвратился изъ гимназiи Костя. Когда онъ переодѣлся и побѣдалъ, то бабушка подозвала его къ себѣ и съ таинственнымъ видомъ ввела его къ себѣ въ комнату.

— Прочти! сказала она и протянула къ нему письмо фрау-Луизы.

Онъ зналъ по-нѣмецки лучше, чѣмъ она, и тотчасъ-же быстро пробѣжалъ письмо. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, выраженiе его

лица все измѣнялось и измѣнялась и наконецъ весь онъ покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Ну? спросила его бабушка, когда онъ кончилъ.—Что ты объ этомъ думаешь?

Онъ провелъ рукою по непослушнымъ волосамъ.

— Я такъ думаю, бабушка, отвѣтилъ онъ,—что это тогда шизала у меня въ корзинѣ именно она, наша Катя. Это я спасъ тогда именно ее!

— Я тоже такъ думаю, подтвердила и бабушка.—Господу Богу было угодно соединить всѣхъ участвовавшихъ въ этой исторiи. Теперь мы должны довести дѣло до конца... Только молчи и ни о чемъ не говори Катюшѣ!

— Что-же ты намѣрена сдѣлать?

— Мы должны получить изъ Сѣверно-Нѣмецкаго банка въ Берлинѣ драгоцѣнности Кати и по нимъ догадаться, кто были ея отецъ и мать!

— Да, но какъ это сдѣлать?

— Не знаю, надо подумать!

И оба вмѣстѣ принялись думать и долго еще о чемъ-то шептались и не выходили изъ комнаты.

А на дворѣ бѣгала Катя, звонко смѣялась и не догадывалась ни о чемъ.

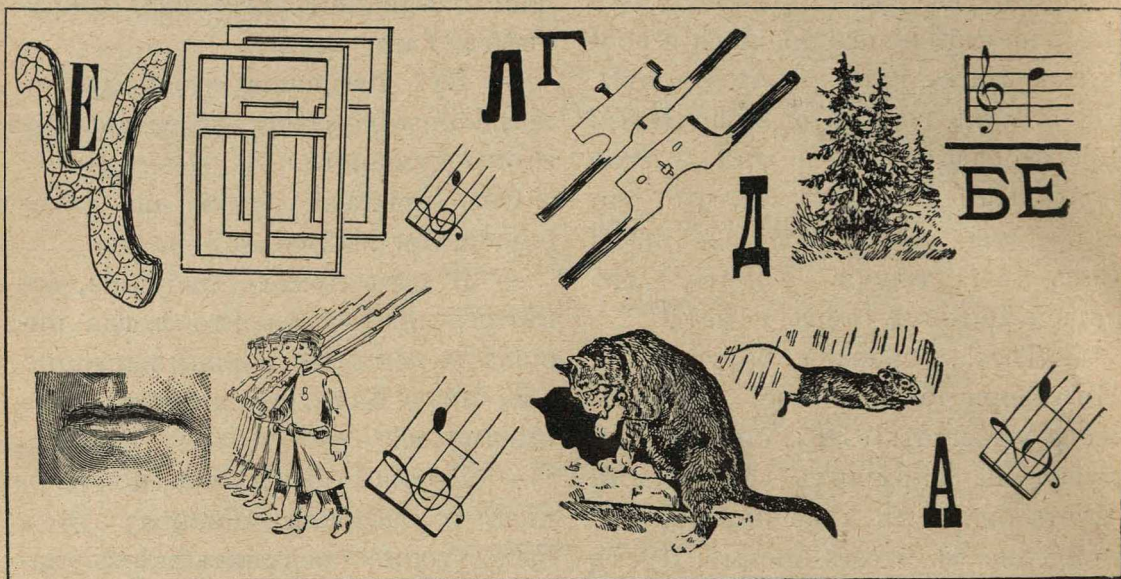
Парижъ
4/17 февраля 913 г.

М. Б-скій.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Ребусъ № 11.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 9, помѣщенныхъ въ № 9 „Золотого Дѣтства“

Головоломки: I. За матерью. II. Сколько зайца ни три, все у него будетъ двое ушей. III. Тигръ, лиса, гитара, селитра, среда, ветла. Названіе города = Елисаветградъ. IV. Вѣхъ

дѣвочекъ было трое; противъ каждой изъ нихъ сидѣло по двѣ дѣвочки, такъ какъ столъ былъ круглый.

Ребусъ № 9. К+омары+и+мухи+ве+село+к+ужи+лисы+око+л+оса+да = Комары и мухи весело кружились около сада.

Отъ Редакціи

Г.г. Подписчиковъ, подписавшихся въ разсрочку, редакція очень проситъ послѣшить высылкой остальныхъ денегъ, чтобы доставка имъ журнала не была прекращена. Адреса ихъ еще сохранены.

Книгу „Англійскія сказки“ получаютъ только тѣ подписчики, пользующіеся разсрочкой, которые внесутъ подписную плату сполна.

Вѣрные рѣшенія прислали: Георгій, Аркадій и Райса Никитины изъ Гельсингфорса, Фима Левинъ, Сережа и Пава Лисенко, Маруся Макаревичъ, Вѣра Сафонова, Павлуша Бойко, Нина и Коля Соболевы изъ Твери, Танечка Долганова, Женя и Гриша Юревичи. Таня Надеждина, Вадимъ Дурново, Вавочка изъ Новгорода, Шурочка Живченко, Коть Игнатьевъ, Тута и Кука Шполянскіе, Вѣра Семейская. Коля Воронинъ изъ Владиміра, Толя Охотникъ, Петя и Зоя Брэдшау, Павелъ Брэдшау, Лида и Шура Пащенко, Димочка Трещенкова, Елена Григоровичъ, Тася и Катя Глазуновы, Лева, Таня, Аня и Маня Федоровы изъ Владиміра, Коля Евграфовъ, Наташа и Сережа Подсосовы, Митя Дзѣвановскій, Маруся Озерецковская, Георгій Розенбергъ, Шура Брукъ и Шура Берестецкій, Женя Хромонюжка. Мура Гапѣва, Борисъ Вильденгофъ, Женя Криворотченко, Левъ Страшный, Эся и Роа Гинзбурги, Феклуша Эшштейнъ, Витя Мневъ, Рома, Висса и Валя Григорьевы, Зоя Бондоровская, Коля Гладилинъ, Маруся и Соня Кузовкины, Николай Алексѣевичъ, Митя, Софа и Тося Молякины, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Порфирій Маховъ, Коля и Ваня Вѣльченко, Петя Животковскій, Вова Зенинъ. Туся Зенина, Братъ и сестра Лебедевы изъ Покрова, Коля Нехотящій, Н. фонъ-Бринкманъ, Нина, Лена и Коля Проскурины, Вадимъ Лыжинъ, Наташа Хруцкая, Коля, Таня, Вѣра, Маруся, Федя и Котикъ Устиновы. Эльза Грейфе, Одя, Варя и Тамара Телятниковы, Нина Рыкова изъ Моршанска, Шура Сяно, Альфредъ и Владиміръ Зебауэръ, Лева Левченко, Вова Харинъ, Сережа Гульянцъ, Зоя и Ида Свѣтъ, Петя и Люба Тихонравовы, Иванъ Чуфаровъ, Настя Соколова, Маруся и Ляля Сикорскія, Анатолій Сикорскій, Котюкъ и Дмитрусь изъ Умани, Лена, Зина и Нюра Коноплевы, Розалія Честная, Нина Гуриновичъ, Маня Торопова, Марго Мазюкевичъ, Сережа и Шурикъ Фохты, Эся, Катя и Витя Номакштейнскіе, Вова Гарбузовъ, Сержикъ Здрайковскій, Эльза Грейфе, Витя Преображенскій, Оля и Пана Ильменскіе, Шура Еварестовъ, Лиля, Женя и Валя Татариновы, Лидія Набока, Анатолій Брукбендеръ, Александръ Орленко, Коля Оедоровскій, Сорви-Голова, Адя, Юра и Аля Алякринскіе, М. Волярскій, Аня Алавердова. Сергій Петровъ изъ Серебряныхъ Прудовъ, Василій Шелютто, Александръ и Маруся Шенябины, Софа Самуйлова, Шалунъ-Шура Ивановъ, Маруся Ганкевичъ, Володя Редеръ, Се-

рафимъ Важинскій, Лена Чурюканова и Лея Павленко, Поль и Соня Дерсанъ, Витя Ланевскій, Галя, Витя и Боря Знавенко, Котя Гладилловъ-Кавецкій, Коля Клаучъ, Шура и Лея Еварестовы, Нина и Валя Свѣжницевы, Володя и Лида Иларіоновы, Котя Сизовъ изъ Харькова, Петя Пчелкинъ, К. Д. Машиновскій, Анатолій Важинскій (два письма), Вѣра Овчаренко, Катя Смирнова изъ Сергіевскаго посада, Кадеты 3 роты: Г. Лопатинъ и В. Ротновъ, Андриша Федотовъ—донской казачекъ и его тетя Таня Волкова, Котя Супруновъ, Николай Влохинъ, Вени и Тамара Спиритины вмѣстѣ съ Ваней и Шурой Лея Куриленко, Лея, Таня, Вася, Коля и Аля Садовскіе Нюня и Роза Шерстинскія, Сережа Думаревскій, Шура и Володя Фомины, Моисей и Гриша Фейгины, Витя Преображенскій 9 л., Валя Ведерниковъ, Миша Михайловъ, Сережа Стратановичъ, Клава Еомина, Витя Новоселовъ, Рома, Висса, Валя Григорьевы, Юля Эрдманъ, Боря Пановъ, Володя Приходько, Стась Маркевичъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Коля Гладилинъ, Боря, Кузьминъ, Миша Дикъ, Вадимъ Лыжинъ, Зоя Лебедева, Борисъ Антоновъ, Люся Кривенко, Антонина Балашева, Жоржикъ Сысоевъ Шура Швалковскій, Володя и Витя Шуригины, Толя Никольскій, Сема Туршу, Валерій Сташевскій, Маня Ефимова, Сережа Захаровъ, Аликъ Чижевскій, Аничка и Женикъ Тимковы, Лиля Булынина, Вася Туркевичъ и ея тетка, Сеня Бурлаковъ, кубанскій казачекъ Труба и Та-хин-тай, Пава Алексѣевъ, Володя, Саня, Миша Бурлаковы, Зоя, Ксюша и Оля Казачковскія, Тамара Морозова, Лева Македонскій, Аскаръ Ахмеровъ, Нюра Вѣломазова, Лея и Сережа Тарсановы, Гога Огаревъ, Варя Наумова, Ляля и Гугу Сурины, Коля Бондалетовъ, Сирочка Холмогорцевъ, Игорь Максимовъ, Нина Горьлова, Толя и Саша Стратонитскіе, Лиза Антикъ Маня Гурчинская, Нюма-мальчикъ съ пальчикъ, Коля Хартулари, Люся, Володя и Женя Сорока, Георгій Кильчевскій, Соня Григорьевская, Шура Вѣловъ, Коля и Ваня Смольяниновы, Кокочка Протасовъ, Лида и Лея Рѣдько, Ильюша, Исай, Ида Швейцеры, Витя Соколовъ, Зина и Нюра Алашкины, Люба Лягина, Вѣрочка Котмеръ, Оля, Вѣрочка, Боря и Юличка Кашковы, Володя Заксъ, Жоржикъ Теръ-Шмаоновъ, Алексѣйчикъ Кузнецовъ, Шурикъ Живченко, Вѣра Овчаренко, Ирина Зарина, Вѣра Семейская, Шура Брукъ, Эся Маргуліесъ, Митя и Володя Редеръ, Саша Никифоровъ, Нюра Сергѣева, Георгій и Аркадій Никитины, «Марсикъ»,

Лена и Таня Тишковы, Коля Казариновъ, Чижикъ Матвѣева, Танечка, Долганова, Василій Шемотто, Шурочка, Ниночка, Лидинька и Серафимъ Протопоповы, Валерія Крикмейеръ, Галя и Боря Гнетневы, Шура Москаленко, Коля Евграфовъ, Саня Галахова, Кирилль Аксютинъ, Эдя Пешекеровъ, Сося и Володя Щепукъ, Люба Гофманъ, Гриша и Зента Шмидтъ, Боря Басъ, Шурикъ и Ляля Машковскіе, Павлуша Байко, Маня и Ваня Чебаевскіе, Тоня Духовская, Коля Страдомскій, Володя Бехтеревъ, Галя Русиловичъ, Оля Шатуновская, Оля и Валичка Синицины, Шура и Володя Фомины, Александръ Глыбовскій, Нюра, Лена и Зина Коноплевы, Коля и Сережа Павловы, Тосенька Русакова, Левъ, Фаиночка и Лидочка Яковлевы, Сережа Олимпіевъ, Шура Засъ, Коля, Митя, Софа и Толя Монайкины, Славикъ Неудачинъ, Вася, Костя и Таня Федоровы, Шура и Котя Москаленко, Женья и Нина Шулаковы, Коля, Витя и Боря Диго, Роба Каверъ, Аля Мануйлова, Петръ Барановскій, Валюся Красовская, Вѣрочка Зубова, Коля Грѣпачевскій, Митя Овсянниковъ, Ниночка Овчинникова, Клавдій Федоровъ и Маня, Коля Тюленевъ, Миша Вишлянскій, Лариса Агапѣева, Витя и Нина Мневъ, Володя Колесниковъ, Нина Смирнова, Феклуша Эпштейнъ, Тася и Катя Глазуновы, Нина и Лева Зайцевы, Максъ и Ардя изъ Одессы; Кирилль Величковскій, Сурхай Хасай Гаджіевъ, Митя Цзѣвановскій, Елена, Женья и Зина Клестовы, Женья и Гриша Юревичи, Татьяна Леонтовичъ, Елена и Мара Козо-Полянскія, Валичка Черняховская, Люся и Маруся Шапко, Юра Думаревскій, Подписчикъ изъ Брянска, Воля и Галя Полуяновы, Сережа Стратановичъ, Миша Семенчевъ, Вѣрочка и Виля Исаковы, Глаша Титова, Лидочка Юдина, Сирочка Холмогорцевъ, Клава Оомина, Нина Свѣшникова, Андриуша Федотовъ, Ляля Сикорская, Костя Адамовъ, Володя Закъ,

Александра и Евгения Поклонскія, Нина и Валя Свѣжинцевы, Никита Романовскій, Анатолій Важинскій, Ляля и Сережа Тарсановы, Надя и Шуна изъ Деражни, Зоя и Ида Свѣтъ, Маруся Воронова, Красная Шапочка, Лелюся Вигура, Дося Яковлевъ, Маруся Никончукъ, В. и Т. Зенины, Шура Филипповъ, Афанасій Киріери, М. и С. Брамсоны, Митя и Валя Кононовы, шалунья Катя Масынова, Сережа, Игорь и Лина Холтурины, Петръ Авдѣевъ, Витя Соколовъ, Серафимъ Важинскій, Сережа, Гульянцъ, Володя Егоровъ, Вѣра Рудометкина, Витя и Алеша Филипповы, Катруся Опешко, К. Д. Малиновскій, Катюша Никуличева, Лена Костеничъ, Ваня и Леня Антоновы, Галя, Витя и Боря Знавенко, Павлуша Вагнеръ, Николай Миллеръ, Катя и Вѣра Подъяпольскія, Толя и Коля Туръ, Шура Бѣловъ, Геля Жинкина, Алексій Пичугинъ, Толя, Саша, Вѣра Стратонитская, Валя и Кора Андроновы, Витя Дурневъ, Михаилъ и Павелъ Туленкаковы, Маруся Устинова, Костя Супруновъ, Галя Горбачева, Нина Попова, Сорви-голова, Люля Владыкина, Таня, Лида и Маня Сизяевы, Сережа Чурбаковъ, Вѣлочка, Яповочка и Жучекъ Леонтьевы, Валя Туркевичъ, Леля Ефимова, Зиночка Сидорова, Витя Минлевичъ, Моисей и Гриша Фетины, Генрихъ Мечеславъ Конро, В. Новицкій, Игорь и Милица Чегадаевы, Ирина Плавинская, Боярышня Роза, Вѣрочка Каверзнева, Аскаркъ Ахмеровъ, Николинъка и Манечка изъ Кременчуга, Лиза Фаасъ, Коля, Павлуша и Надя Шабалкины, Маруся Воронова, Лара Алмазова, Шура и Маруся Шентабины, Евгения Радде, Жоржикъ Теръ-Шмаоновъ, Аня Рѣпникова, Шура Швалковскій, Люся Кривенко, Фрида, Сарочка, Наумъ Свердловы, Ученицы Угловской Женской школы, Гладиловъ-Ковецкій, Абраша, Сарра и Катя Златковскіе, Ляля и Гугу Сурины.

Очень рекомендуется!

новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

„ДРУЖОКЪ и ОМКА“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи Журнала «Золотое Дѣтство».

Редакторъ-издатель **М. П. Чеховъ.**

Типографія Ю. Н. Эрлихъ (вл. А. Э. Коллинсъ), М. Дворянская, 19.

СТАВРОПОЛЬСКОГО РАЙОНА

№ 10
1950

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).
- 12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Очехъ рекомендуется!

Книга для дѣтей!

„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ Каменноостровский, 26

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.